

УДК 911.37 (571.621)

ФОРМИРОВАНИЕ РАССЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

© 2013 г. И.В. Калинина, Т.М. Комарова

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан

Поступила в редакцию 14.04.2013

В статье дан ретроспективный анализ формирования расселения в Еврейской автономной области (ЕАО) с 1930-х годов по настоящее время. Рассмотрена современная (1990–2010 гг.) геодемографическая ситуация в муниципальных районах области и выделены три типа районов. Рассчитаны значения интегрального показателя социально-демографической безопасности муниципальных районов в динамике. Сделан вывод, что начиная с конца XX в. муниципальные районы, концентрирующие более 70% населения области, относятся к зоне социальной напряженности. Показано, что для ЕАО функция социального контроля над территорией имеет важнейшее значение в связи с приграничным положением и слабой освоенностью территории. Проанализирована и представлена на картосхеме разница между приграничными территориями ЕАО и КНР по характеру и степени заселенности.

В последние годы общественная география все чаще обращается к изучению междисциплинарных проблем. Одна из них – региональная социальная безопасность. Социальные угрозы регионов России весьма разнообразны и имеют свою специфику, но наиболее общие и самые болезненные заключаются в негативных демографических тенденциях. Современные низкая рождаемость, высокая смертность, убыль населения появились не в одночасье. Изучение демографической динамики с социально-географических позиций позволяет понять формирование населения на определенной территории и увидеть факторы, которые окажут существенное влияние в будущем.

Цель нашей работы – анализ формирования расселения на территории Еврейской автономной области (ЕАО) с 1930-х годов по настоящее время, оценка современной социально-демографической безопасности муниципальных районов области и возможностей осуществления функции социального контроля над территорией.

Формирование расселения в Еврейской автономной области. Анализ влияния тех или иных факторов позволил выделить семь этапов формирования расселения в ЕАО (табл. 1). На каждом этапе действовал определенный набор факторов, менялось их содержание и значимость. Однако одним из важнейших на протяжении всех 150 лет был геополитический фактор. Именно он прямо

или косвенно влиял и влияет на формирование расселения и освоение приграничного региона.

Подписание Айгунского договора (1858 г.) способствовало закреплению за Россией территорий на левом берегу Амура. В 1857–1862 гг. были организованы сплавы по реке Амур и образована непрерывная сеть населенных пунктов. Именно в это время возникли первые российские поселения на территории будущей области (казачьи станицы Пашково, Радде, Екатерино-Никольское, Михайло-Семеновское и др.). Ширина освоенной территории достигала 30–40 км, населенные пункты располагались вдоль Амура на расстоянии 15–20 км друг от друга [19]. Заселение внутренних районов области (по реке Большая Бира) началось в 1909 г., освоение северной части региона было связано со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали (1908–1916 гг.).

После официального образования автономии (1934 г.) было проведено ее административно-территориальное районирование, в ходе которого выделено 5 районов, 5 поселковых советов (включающих пять рабочих поселков) и 53 сельских совета. В это время население и хозяйственная деятельность сосредотачивались преимущественно вдоль путей сообщения: рек Амур и Большая Бира, Транссибу и “царскому” тракту (“Колесухе”). К 1940 г. в ЕАО было зарегистрировано максимальное количество населенных пунктов –

Таблица 1. Этапы и факторы заселения территории Еврейской автономной области

№	Годы	Основные события	Ведущие факторы (в порядке значимости)	Процессы в расселении
I	1858–1907	Айгунский договор. Начало русской колонизации. Русско-японская война.	Геополитический, территориальный, природно-ресурсный	Формирование первых российских населенных пунктов вдоль государственной границы
II	1908–1925	Строительство Транссиба. Начало крестьянского заселения. Первая мировая и Гражданская войны	Транспортный, геополитический, демографический, природно-ресурсный	Казачье и крестьянское заселение; увеличение числа сельских населенных пунктов
III	1926–1940	Полевые изыскания для размещения евреев. Официальное образование ЕАО. Коллективизация, индустриализация, строительство железных дорог	Геополитический, экономико-географического положения, демографический, природно-ресурсный, территориальный	Формирование каркаса расселения; добровольное и принудительное переселение населения в область; максимальное количество населенных пунктов, образование рабочих поселков
IV	1941–1950	Великая Отечественная война. Восстановление народного хозяйства после войны. Строительство автомобильных дорог республиканского значения. Закрытие приисков	Геополитический, транспортный, демографический	Сокращение приисков, хуторов, выселок, мелких станций, полустанков
V	1951–1970	Формирование основы современной отраслевой и территориальной структуры хозяйства. Аграрные реформы. Вооруженный конфликт на о-ве Даманском	Геополитический, хозяйственный, демографический	Сокращение “неперспективных” сельских населенных пунктов, миграции населения в направлении село – город
VI	1971–1990	Начало IX пятилетки. Реализация программ по созданию собственной продовольственной базы региона	Геополитический, демографический, природно-ресурсный	Сокращение населенных пунктов при мелких станциях и полустанках; миграции населения в направлении село – город
VII	1991–настоящее время	Формирование ЕАО как самостоятельного субъекта РФ. Системные социально-экономические преобразования, спад производства, сокращение населения	Геополитический, экономико-географического положения, демографический, хозяйственный	Сохранение сети населенных пунктов при значительном сокращении численности сельского населения

354: 2 города (Биробиджан, Облучье), 6 рабочих поселков (Смидович, Николаевка, Волочаевка-2, Бира, Лондоко, Биракан) и 346 сельских населенных пунктов.

В военные, послевоенные годы и во второй половине XX в. количество сельских населенных пунктов сокращалось в связи с социально-эко-

номическими и административно-территориальными преобразованиями [2]. К концу века общее количество населенных пунктов уменьшилось до 113, с тех пор их сеть остается практически неизменной.

В настоящее время геополитический фактор проявляется в активных связях ЕАО с Китаем

Таблица 2. Динамика основных демографических показателей субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО), ‰

Регион	Общий коэффициент рождаемости				Общий коэффициент смертности				Естественный прирост/убыль			
	1990	2000	2005	2010	1990	2000	2005	2010	1990	2000	2005	2010
РФ	13.4	8.7	10.2	12.4	11.2	15.3	16.1	14.2	2.2	-6.6	-5.9	-1.7
ДФО	15.4	9.7	11.5	13.2	8.2	13.2	15.3	13.8	7.2	-3.5	-3.8	-0.6
Республика Саха (Якутия)	19.4	13.7	14.3	16.8	6.7	11.0	10.2	9.8	12.7	4.0	4.1	7.0
Камчатский край	12.4	9.3	11.0	12.1	6.2	13.9	12.6	12.6	6.2	-1.7	-1.6	-0.5
Приморский край	14.6	8.6	10.4	11.8	9.1	13.9	16.2	14.3	5.5	-5.3	-5.8	-2.5
Хабаровский край	15.1	8.5	10.9	12.9	9.2	14.1	16.3	14.6	5.9	-5.6	-5.4	-1.7
Амурская область	16.2	10.2	12.1	13.8	8.6	14.6	16.9	15.3	7.6	-4.4	-4.8	-1.5
Магаданская область	13.6	9.7	11.0	11.5	5.6	11.8	13.6	13.0	8.0	-2.1	-2.6	-1.5
Сахалинская область	14.2	9.2	11.4	12.1	8.1	13.4	17.4	14.9	6.1	-4.2	-6.0	-2.8
ЕАО	17.8	9.7	11.6	13.6	9.6	14.5	17.9	15.5	8.2	-4.8	-6.3	-1.9
Чукотский АО	13.8	11.5	15.7	14.7	3.7	9.6	11.8	13.8	10.1	1.9	3.9	0.9

Источник: [12].

и в миграции на территорию области китайцев как в качестве временной рабочей силы, так и на постоянное жительство (в единичных случаях). В сельском хозяйстве используется преимущественно китайская техника, которая обслуживается китайцами; потребляются не только дешевая китайская продукция, но и услуги (жителям Октябрьского района дешевле съездить в Китай, чем в Биробиджан); наблюдается самозанятость в виде “кирпичей” (местное название российских помощников, ввозящих китайские товары для российского предпринимателя). Различия между районами области в политике взаимодействия с китайцами влияют на их восприятие местным населением. Согласно социологическому опросу, проведенному в ЕАО в 2010 г., жители Ленинского района на китайских граждан практически не обращают внимания, в Октябрьском районе ситуация противоположная – там к ним относятся с опаской. В других районах в среднем около 40% опрошенных настроены против жителей сопредельного государства, 45% равнодушны к ним.

Современная геодемографическая обстановка. Рост демографического потенциала всегда был актуальным для дальневосточных регионов, особенно для приграничных. Их заселение до недавнего времени мотивировалось долгосрочными государственными интересами, население устойчиво увеличивалось. В последние два десятилетия численность населения ЕАО сокращается (с 1990 г. на 20%) и на начало 2012 г. составила

174.4 тыс. чел. (для сравнения население России уменьшилось за этот период на 3.6%, Дальневосточного региона – на 22.3%). Современные демографические тенденции указывают на сокращение населения и в будущем, в связи с этим особое значение имеет изучение социально-демографической безопасности региона [1].

Оценка геодемографической ситуации проведена в работе за период 1990–2010 гг.; для типологии выбраны наиболее репрезентативные в демографическом плане годы: 1990 – последний предкризисный год; 2000 – год с самым низким коэффициентом рождаемости; 2005 – год с наивысшей смертностью, 2010 – год переписи населения.

До 1990 г. для населения региона был характерен расширенный тип воспроизводства и по данному показателю ЕАО входила в число ведущих регионов страны (табл. 2). Среди дальневосточных регионов область выделялась высокими коэффициентами рождаемости. Системный кризис 1990-х годов привел к сокращению рождаемости и резкому увеличению смертности во всех субъектах Дальнего Востока России. Достаточно высокие показатели естественной убыли населения были отмечены в 2005 г. В настоящее время, несмотря на принимаемые меры по улучшению демографической ситуации в области, стабильного сокращения естественной убыли населения не отмечается. Убыль характерна как для городского, так и для сельского населения, однако у первого она более чем в 3.3 раза выше.

Динамика рождаемости в ЕАО за рассматриваемый период соответствовала общероссийским тенденциям. До 2000 г. отмечался спад рождаемости, при этом, если в среднем по России она сократилась на 35%, по Дальневосточному региону в целом – на 37%, то в ЕАО было самое большое сокращение по региону – на 46%. Это связано с очень глубоким экономическим кризисом в области (сокращение промышленного производства составило 90% от уровня 1990 г.). С 2001 г. коэффициент рождаемости стал медленно расти, эта тенденция была характерна для всех регионов страны. Причины роста рождаемости, как отмечают некоторые исследователи [6], во многом носят компенсационный характер, о чем свидетельствуют темпы роста рождаемости в средних и старших возрастных группах. Необходимо отметить, что компенсационный подъем не может быть доминирующим у основной массы населения и его продолжительность незначительна.

Показатели смертности населения в области всегда были на 10–15% выше средних по Дальнему Востоку. Рост смертности, характерный в 1990-х – начале 2000-х годов для всех регионов страны, для дальневосточных регионов был выше среднероссийского – соответственно 89 и 46%, а в ЕАО составил более 90%. Последующее снижение к 2010 г. на Дальнем Востоке соответствовало среднероссийскому (11%), в ЕАО было больше (15%). Одна из важнейших социально-экономических проблем области – высокий уровень младенческой смертности. В отдельные годы этот показатель был значительно выше среднероссийского (соответственно 21.4–10.4 против 8.5–7.5 на 1000 родившихся).

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни – одна из важнейших демографических категорий. Если за 1990–2000 гг. средняя продолжительность жизни россиянина снизилась на 3.8 года, то жителя ЕАО – на 5.5 года. Как отмечает Н.М. Римашевская с соавторами, ожидаемая продолжительность жизни как в целом по стране, так и в регионах снижалась вплоть до 2003 г. [12]. В ЕАО падение продолжалось до 2005 г. включительно (до уровня 59.43 года), при этом продолжительность жизни женщин снижалась более высокими темпами, чем у мужчин (соответственно на 2.69 и 2.17 года). Несмотря на это разница в продолжительности жизни мужчин и женщин составила в 2005 г. более 12 лет и продолжала увеличиваться. С 2006 г. начался рост продолжительности предстоящей жизни, при этом более быстрыми темпами у женщин (на 4.52 года к 2009 г.) по сравнению с мужчинами (3.26). Небольшая продолжительность жизни насе-

ния ЕАО (область входит в тройку регионов России, замыкающих рейтинг по этому показателю) обусловлена низким уровнем жизни населения, высоким уровнем безработицы, низкими среднедушевыми доходами, высоким уровнем бедности населения.

Помимо высоких показателей естественной убыли населения для ЕАО с середины 1990-х годов, как и для большинства регионов Дальнего Востока, стала характерна и миграционная убыль (в Дальневосточном регионе за 1991–2008 гг. она составила более 1 млн человек, в 5 раз превысив естественную убыль). Экономические реформы, политический фактор распада СССР, снижение привлекательности Дальневосточного региона в целом и, в частности, ЕАО привели к резкому сокращению мигрантов, прибывающих на территорию области, а к 1995 г. – к значительной возвратной миграции. Среди причин миграций ведущее место занимали этнические и социально-экономические [9].

В последние годы преобладающей стала внутрисюрийская миграция, доля которой составляет 95% по прибытию и 97% по выбытию населения, в том числе почти 40% – это внутрирегиональная миграция. Наиболее активно миграционные процессы протекают в Облученском и Сидовичском районах и Биробиджане. Преобладает переезд в городскую местность – 62%. У населения, прибывающего в ЕАО, помимо Биробиджана наибольшей популярностью пользуется Сидовичский район, прежде всего поселки, расположенные в непосредственной близости к Хабаровску (Николаевка и Приамурский), на них приходится 59% всех мигрантов района [8].

На основе анализа геодемографической ситуации по муниципальным районам ЕАО выделено три типа районов: I – с относительно благоприятной ситуацией (положительным естественным приростом населения); II – с относительной стабильностью населения; III – с неблагоприятной ситуацией (убылью населения).

Относительно благоприятная геодемографическая ситуация (тип I) сложилась в Биробиджанском районе. Здесь на начало 2012 г. проживало 6,8% населения области. Уровень рождаемости выше среднерегионального на 26%, что объясняется высокой долей лиц молодых возрастов и низкой долей пожилых. Помимо естественного прироста для района характерно и положительное сальдо миграции.

К типу II относятся сельские Октябрьский и Ленинский районы, а также Биробиджан. В целом для этого типа характерны либо низкая естествен-

ная убыль населения, либо низкий естественный прирост; высокая миграционная подвижность; относительно благоприятная возрастная структура населения. При общих сходных чертах отмечаются некоторые различия между сельской и городской местностями. В первой при естественном приросте отмечается миграционная убыль населения, в связи с этим численность населения все же медленно сокращается. В то же время доля населения, живущего в Биробиджане, из года в год возрастает и в 2012 г. составила уже почти 44% областного, т.е. наблюдается усиление моноцентризма – сосредоточения в областном центре все большей доли жителей региона [5].

Неблагоприятная геодемографическая ситуация (III тип) характерна для Облученского и Смидовичского районов, в которых доля городских жителей составляет соответственно 86 и 67%. Здесь отмечается высокая смертность населения, обусловленная высокой долей пожилого населения и неблагоприятной экологической ситуацией в некоторых населенных пунктах. Сокращение населения здесь также обусловлено кризисной экономической ситуацией в поселках городского типа в связи с их монопрофильностью и реформами на железнодорожном транспорте. Несмотря на сходные черты для обоих районов, следует отметить, что ситуация в Облученском районе хуже, поскольку для Смидовичского района характерен небольшой миграционный приток.

Современные геодемографические процессы в ЕАО могут приводить к глубоким изменениям населенных пунктов и всей системы расселения региона. Уменьшение численности населения в сельских приграничных районах, все большая его концентрация в областном центре, активная миграция за пределы области осложняют обстановку как на уровне области, так и в отдельных местностях. Сокращение объектов социальной инфраструктуры, отсутствие рабочих мест в селе приводит в перспективе к оттоку прежде всего молодого трудоспособного населения и в целом к снижению численности населения тех или иных населенных пунктов.

Социально-демографическая безопасность муниципальных районов ЕАО. Проблема безопасности – одна из самых актуальных в современном мире. Национальная безопасность выступает одной из форм обеспечения безопасности человека. При этом социальная безопасность определяется как аспект национальной. Такой подход предполагает, что защита жизни, здоровья, благополучия, прав и свобод человека служит главной целью социальной безопасности

[16]. Социально-демографическая безопасность составляет часть социальной безопасности. Под социально-демографической безопасностью региона понимается такое состояние, при котором обеспечивается стабильность и устойчивость процессов воспроизводства населения и сокращение его миграционного оттока [там же].

Снижение численности и качества населения отдельных российских регионов, особенно азиатской части страны, требует более пристального изучения не только на уровне субъектов РФ, но и на муниципальном уровне. Высокая степень социально-демографической безопасности отдельных муниципальных образований могла бы сделать их наиболее привлекательными для населения и позволила прежде всего уменьшить сокращение численности населения, что особенно актуально для слабозаселенных приграничных районов Дальневосточного региона.

Исследование социальной безопасности в настоящее время достаточно доступно на региональном уровне. На уровне же муниципальных образований государственная статистика не представляет информацию по полному перечню всех частных показателей социальной безопасности, а именно: экономической активности населения, ожидаемой средней продолжительности жизни при рождении, численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и т.п. Таким образом, муниципальная статистика в отличие от региональной пока не позволяет обеспечить полноценное исследование социальной безопасности в разрезе муниципалитетов.

Для оценки социально-демографической безопасности отдельных муниципальных образований ЕАО нами использованы следующие доступные показатели: коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, коэффициент естественного прироста населения, коэффициент миграции, коэффициент младенческой смертности. На их основе был рассчитан обобщающий индикатор социально-демографической безопасности (табл. 3). Ввиду отсутствия общепринятого обобщающего индикатора демографической безопасности, выраженного в определенных единицах измерения, в качестве его заменителя некоторые исследователи предлагают использовать многомерную среднюю арифметическую, рассчитанную методом В.М. Рябцева [15, 20]:

$$Y = (X - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min}),$$

где Y – уровень безопасности; X – показатель n -региона; $X_{\max}$ – максимальный показатель уров-

Таблица 3. Значения интегрального показателя, рассчитанного адаптивным методом В.М. Рябцева, для муниципальных образований ЕАО

Район/город	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
ЕАО	0.45	0.35	0.32	0.34
Биробиджан	0.46	0.31	0.28	0.37
Биробиджанский район	0.68	0.52	0.47	0.34
Ленинский район	0.63	0.45	0.34	0.45
Смидовичский район	0.39	0.29	0.38	0.23
Октябрьский район	0.67	0.45	0.47	0.31
Облученский район	0.33	0.26	0.17	0.29

ня безопасности; $X_{\min}$ – минимальный показатель уровня безопасности.

При мониторинге рейтинга муниципальных образований предпочтителен интервальный анализ, который позволяет более четко классифицировать изменения ситуации (табл. 4).

Анализ динамики демографической безопасности по муниципальным районам ЕАО (см. табл. 3) показал, что еще в 1990 г. районы, концентрировавшие более 70% населения области, относились к зоне социальной напряженности. Ведущим фактором служила высокая смертность как взрослого населения, так и младенческая. В дальнейшем ситуация в области продолжала ухудшаться. К 2000 г. два муниципальных района (Смидовичский и Облученский), концентрировавшие 34% населения, уже относились к зоне кризиса. Остальные районы устойчиво находились в зоне социальной напряженности. К 2005 г. показатели социально-демографической безопасности резко ухудшились в Облученском районе. Помимо него к зоне кризиса стал относиться и город Биробиджан, доля населения данной зоны увеличилась до 59%. К 2010 г. доля населения, относящегося к зоне социального кризиса, сократилась до 34%, но выросла доля зоны социальной напряженности – с 49% до 68%.

Таким образом, в настоящее время требуется принятие кардинальных мер по улучшению социально-демографической безопасности в муниципальных районах. Эти меры должны быть долгосрочными и заключаться, по крайней мере, в росте уровня жизни населения, совершенствовании медицинского обслуживания сельского и городского населения, росте занятости населения. Неблагоприятная демографическая ситуация, которая с точки зрения социально-демографической безопасности может быть оценена как социальная напряженность с переходом в отдельных муниципальных районах в социальный кризис, приводит к дальнейшему снижению привлекательности региона и увеличению миграционных настроений

Таблица 4. Классификация уровней безопасности

Интервал величин агрегированного показателя безопасности	Характеристика градаций
Менее 0.3	Социальный кризис
0.31–0.5	Социальная напряженность
0.51–0.7	Социальная стабильность
0.71–1.0	Социальное благополучие

Источник: [20].

населения, что в свою очередь может еще более усугубить демографическую ситуацию в области и ухудшить национальную безопасность всей страны.

Социальный контроль над территорией.

В последнее время в российской общественной географии и социологии все чаще говорят о функциях, выполняемых не только отдельными сельскими населенными пунктами, но и сельской местностью в целом. Социальный контроль над территорией – одна из таких функций. Она закреплена и в Концепции устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 года, утвержденной Правительством РФ в 2010 г., в которой наряду с производственной, демографической, трудоворесурсной, жилищной, пространственно-коммуникационной выделена функция социального контроля над сельской территорией как общенациональная (“содействие органам государственной власти и местного самоуправления в обеспечении общественного порядка и безопасности”) [7]. Социальный контроль представляет собой опосредованное, порой невольное, наблюдение местного населения за территорией в процессе перемещения, использования природных ресурсов, отдыха и прочего, то есть в процессе жизнедеятельности. Это особенно важно для малонаселенных, а также приграничных территорий, на которых временно пребывают иностранные граждане [3].

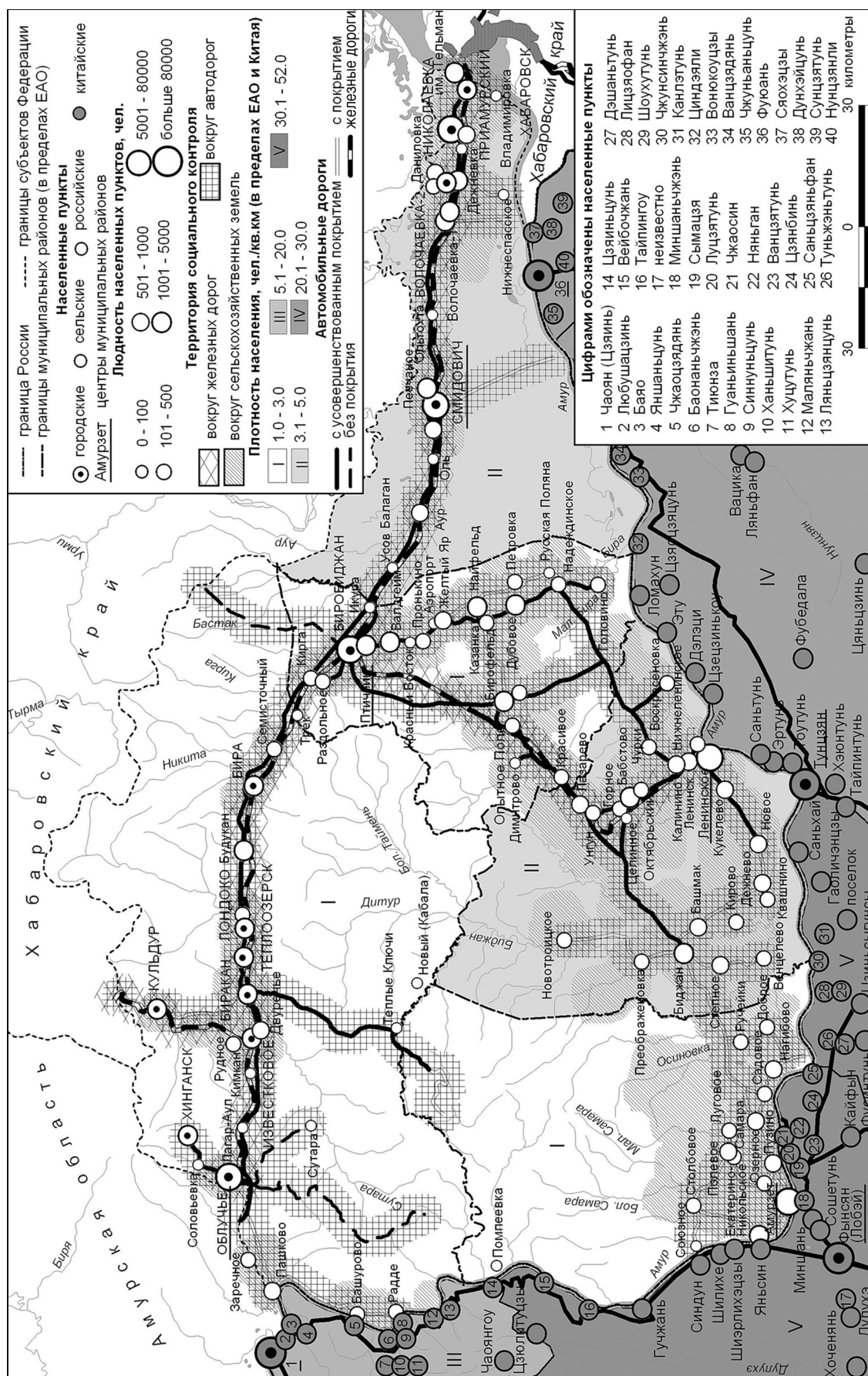

Рисунок. Заселенность территории Еврейской автономной области и сопредельных территорий провинции Хэйлунцзян (КНР)

Данная функция осуществляется по-разному в зависимости от формы собственности на землю, и следовательно, режима посещения отдельных земельных пространств: в странах, где большая часть земли государственная, население может использовать различные земельные угодья для определенных видов занятий. Большое значение эта функция имеет для России в связи с обширностью территории, низкой плотностью населения и практикой самообеспечения населения некоторыми видами природных ресурсов (охота, сбор грибов, ягод и т.п.). Сокращение численности населения влечет за собой снижение или даже потерю социального контроля над территориями.

Для ЕАО данная функция представляет особую значимость в связи с приграничным положением и слабой освоенностью территории. У ЕАО протяженная – более 500 км – государственная граница с Китаем. Современная демографическая ситуация здесь и в сопредельной китайской провинции Хэйлунцзян кардинально различаются. Численность населения провинции Хэйлунцзян растет и составляет около 40 млн чел. (площадь провинции превышает площадь области в 12 раз). Несмотря на наличие крупных городов, основная часть населения отдельных округов – сельские жители. По сравнению с 1990 г. численность сельского населения провинции выросла чуть бо-

лее чем на 3% при росте городского – более чем на 40%.

В то же время населенные пункты ЕАО, расположенные вдоль Амура, как правило, теряют население, в результате чего некоторая часть приграничных территорий (за исключением пограничных постов) лишена социального контроля, особенно это касается Октябрьского района, отчасти Облученского и Сидовичского (рисунок). ЕАО граничит с тремя округами провинции Хэйлунцзян: Цзямусы, Хэган и Ичунь. Плотность населения в них в 10 раз выше плотности в наиболее освоенных районах ЕАО при средней плотности по области 5.1, а по провинции – около 90 чел./кв. км; плотность населения в самом густозаселенном районе ЕАО (Сидовичском) более чем в два раза ниже, чем в самом малозаселенном приграничном уезде Китая (уезд Цзяньинь, округ Ичунь). Количество населенных пунктов вдоль границы на китайской стороне значительно превышает их количество на российской (табл. 5).

Следует пояснить, что не только численность и плотность населения, но и административно-территориальное деление России и Китая значительно различаются. Согласно Федеральному закону “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ установлены

Таблица 5. Отдельные показатели приграничных российских и китайских территорий

Название уезда (КНР)/района (ЕАО)	Площадь, кв. км	Численность населения (тыс. чел.)	Административное деление
Уезд Цзяньинь	7273	80.0	3 поселка, 6 волостей, 1 ферма
Уезд Лобэй	6761	220.1	5 поселков, 5 волостей, 1 национальная волость
Уезд Суйбинь	3344	174.1	3 поселка, 8 волостей, 1 национальная волость
Городской уезд Тунцзян (Цзямусы)	6252	179.8	4 уличных комитетов, 4 поселка, 4 волости, 2 национальные волости
Уезд Фуюань	6260	126.7	3 поселка, 6 волостей
Биробиджанский район (включая город Биробиджан)	4488	87.3	1 городской округ, 6 сельских поселений
Биробиджанский район (без города Биробиджан)	4200	11.9	6 сельских поселений
Ленинский район	5604	20.7	5 сельских поселений
Облученский район	13 300	29.0	6 городских поселений, 1 сельское поселение
Октябрьский район	6400	11.4	3 сельских поселения
Сидовичский район	5900	28.2	4 городских поселения, 2 сельских поселения

Источник: [11].

четыре вида муниципальных образований. Сельское поселение – это один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов. Городское поселение – город или поселок городского типа с прилегающей территорией (на ней могут находиться и сельские населенные пункты). Муниципальный район объединяет несколько поселений (а также межселенных территорий – в районах с плотностью сельского населения более чем в три раза ниже средней плотности сельского населения в Российской Федерации). Городской округ – это городское поселение, которое не входит в состав муниципального района. При этом сохраняется и административный статус; критерии выделения городских и сельских населенных пунктов, а также перечень муниципальных образований и административно-территориальных единиц определяются законами субъектов Федерации [4]. В ЕАО “городской населенный пункт – город, поселок, на территории которых размещены промышленные, строительные организации, железнодорожные узлы и (или) другие объекты производственной инфраструктуры либо инфраструктуры, основным назначением которой является предоставление населению санаторно-курортных и иных услуг”; “сельский населенный пункт – поселок, не имеющий статуса городского населенного пункта..., а также село, станция, разъезд”; перечень населенных пунктов включает 2 города, 11 поселков городского типа и 99 сельских пунктов [10].

В Китае существуют пять уровней административного деления: провинция, округ, уезд (в том числе город), волость (в том числе поселок), деревня. Городскому муниципалитету подчинена территория, обычно значительно выходящая за городскую черту, внутри него могут находиться уезды, волости, поселки, фермы, сельские территории. По этой причине население собственно города трудно оценить – статистика обычно приводит население всей территории, подчиненной городскому муниципалитету, а оно нередко во много раз превышает население собственно города. В связи с этим понятие “городской уезд” или “городской округ” более корректно, чем понятие “город”. В большинстве провинций единицы окружного уровня представлены исключительно городскими округами. “Поселком” же считается волость, удовлетворяющая одному из следующих условий: 1) население всей волости не более 20 тыс. чел., из них крестьян – не более двух тыс. чел.; 2) население всей волости более 20 тыс. чел., из них крестьян – не более 10%; 3) в местах проживания национальных меньшинств, малонаселенных пограничных или

горных районах, районах кустарной добычи руды, небольших гаванях, районах туристских достопримечательностей, пограничных портах поселком может быть и пункт, где численность крестьян превышает две тысячи человек [11]. Таким образом, статистические поселок, волость и город – это площадные, а не точечные объекты на карте.

Статистикой Китая учитываются не отдельные населенные пункты, а группы населенных пунктов (подобно российским муниципальным образованиям разного уровня). В связи с данными особенностями административно-территориального учета и официальной статистики Китая на рисунке вдоль российско-китайской границы в пределах провинции Хэйлунцзян нами показаны городской уезд городского округа Цзямусы (Тунцзян) и уезды городских округов Ичунь (Цзяинь), Хэган (Лобэй и Суйбин) и Цзямусы (Фуюань) пунсонами без учета численности жителей. Однако мы попытались представить численность населения отдельных сельских пунктов (на рисунке представленных пунсонами без точки в центре), поделив численность сельского населения на количество пунктов. В результате, средняя людность пункта была ориентировочно определена в диапазоне от 1000 до 5000 чел. На основе статистических данных [21] вычислено превышение численности населения китайского уезда над численностью населения российского района: уезд Ичунь – Облученский район – 4.5 раза; уезд Хэган – Октябрьский район, часть Ленинского – 5.2 раза; уезд Цзямусы – части Ленинского и Биробиджанского районов, Смирдовичский район – 5.8 раз (см. табл. 5). К тому же, если в Октябрьском, Биробиджанском и Ленинском районах ЕАО проживают только сельские жители, то на китайской стороне более 50% населения, а в отдельных уездах и до 86% – это горожане [11, 21].

Штриховкой на картосхеме выделены области социального контроля вокруг населенных пунктов, дорог и сельскохозяйственных земель в пределах ЕАО. Хотя эти объекты имеют разные зоны влияния, их ширина принята одинаковой (5 км) по следующим причинам. Вне зависимости от вида дороги человек обычно удаляется от нее не более чем на пять километров, что обусловлено особенностью дальневосточной тайги – лианы, буреломы, “кочка”, колючие кустарники и возможность встречи дикого зверя значительно затрудняют движение. Для грибников и собирателей ягод это оптимальное расстояние, поскольку подобный поход может занять большую часть светлого времени суток, а возвращение к машине с полными даров природы корзинами отнимает

Таблица 6. Сравнение показателей заселенности по районам ЕАО в 1940, 1990 и 2010 гг.

Район	Кол-во населенных пунктов, ед.			Плотность населенных пунктов, ед./тыс. кв. км			Плотность населения, чел./кв. км		
	1940 г.	1990 г.	2010 г.	1940 г.	1990 г.	2010 г.	1940 г.	1990 г.	2010 г.
Биробиджанский	35	20	20	8.3	4.8	4.8	1.4	3.9	2.9
Ленинский	29	23	24	5.2	3.7	3.9	1.3	4.7	3.4
Облученский	135	27	27	9.6	2.0	2.0	2.1	3.2	2.2
Октябрьский	47	15	15	6.8	1.1	1.1	1.1	2.6	1.8
Смидовичский	107	25	25	19.8	4.2	4.2	5.6	5.2	4.8
ЕАО	354	112	112	9.7	3.1	3.08	3.1	6.0	4.9
Биробиджан	1	1	1	3.3	5.0	5.0	148	422	377

в таких условиях много сил. Социологический опрос сельского населения также показывает, что 90% опрошенных местных жителей разных районов ЕАО на большее, чем пять километров, расстояние от дорог и населенных пунктов не удаляются.

Из рисунка видно, что зоны влияния разных объектов зачастую пересекаются. Очевидно, что такие территории подвержены большему социальному контролю, а местность, удаленная от дорог и сельских пунктов – меньшему. Для определения динамики площади социального контроля было проведено сравнение отдельных показателей заселенности (количество и плотность населенных пунктов, плотность населения) в 1940 г. (с наибольшим количеством населенных пунктов), 1990 г. и 2010 г. (с наименьшим количеством населенных пунктов) (табл. 6). Наибольшее сокращение населенных пунктов с 1940 по 2010 г. произошло в Облученском и Смидовичском районах, что связано с сокращением хуторов, золотоносных приисков, железнодорожных станций и полустанков. Уменьшение количества населенных пунктов в других районах связано с сокращением хуторов, казачьих поселений и отделений совхозов.

Плотность населения ЕАО с середины до последнего десятилетия XX в. выросла в 2 раза, однако за последние 20 лет она сократилась на 18%. Несмотря на то что данная ситуация в России широко распространена, в приграничном регионе она может привести к весьма серьезным последствиям. Снижение численности населения и количества сельских населенных пунктов ЕАО увеличило нагрузку на охрану государственной границы и значительно повлияло на сокращение социального контроля над территорией. Подобная ситуация во внутренних районах страны может стать причиной заброшенности территории, но в приграничном регионе влияет также на уязвимость национальной безопасности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев Ю.А., Сидоркина З.И., Ушакова В.Л. и др. Проблемы населения Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2004. 212 с.
2. Гаева И.В., Комарова Т.М., Неверова Г.П., Фетисов Д.М. Геодемографическая обстановка на территории Еврейской автономной области: ретроспективный анализ и прогноз // Изв. РАН. Сер. геогр. 2011. № 6. С. 56–67.
3. Гаева И.В. Трансформация функций сельских населенных пунктов Еврейской автономной области: дис. ... канд. геогр. наук / Рос. акад. наук. Ин-т географии. М. 2011. 155 с.
4. Глезер О.Б., Бородин Т.Л., Артоболевский С.С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 51–64.
5. Горина К.В., Булаев В.М. Геополитическое значение демографической ситуации в пограничном регионе России // Региональные исследования, 2012. № 4 (38). С. 77–82.
6. Захарова О., Иванова А., Рыбаковский Л. Национальная безопасность и демографический рост. М., 2004.
7. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р // Собрание законодательства РФ, 13.12.2010, № 50, ст. 6748.
8. Мищук С.Н., Минчакова М.Л. Характеристика внутренней миграции Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2009. № 12. С. 67–69.
9. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.
10. Об административно-территориальном устройстве Еврейской автономной области. Закон Еврейской автономной области от 20 июля 2011 года № 982-ОЗ // Правовая информационная система “Консультант Плюс” (Сводное региональное законодательство).
11. Провинция Хэйлунцзян: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Хэйлунцзян>.

12. Римашевская Н.М., Будилова Е.В., Мигранова Л.А. Причины низкой продолжительности жизни в регионах России // *Народонаселение*. 2010. № 4. С. 22–34.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2011. 990 с.
14. Рыбаковский Л.Л. Миграционные процессы и формирование миграционной политики России // *Народонаселение*. 2009. № 4(46). С. 4–13.
15. Рябцев В.М. Конкурентоспособность российских регионов: методология оценки и сравнительного анализа. Самара: Изд-во СГЭА, 2002. 128 с.
16. Социально-демографическая безопасность России / Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 864 с.
17. Статистический ежегодник Еврейской автономной области: Стат. сб. / Еврстат. Биробиджан, 2009. 299 с.
18. Статистический ежегодник Еврейской автономной области: Стат. сб. / Еврстат. Биробиджан, 2011. 282 с.
19. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / Отв. ред. П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
20. Фомичева Т.А. Методологический аспект статистической оценки межрегиональной дифференциации социальной безопасности // *Вестн. Самар. гос. экон. ун-та*. 2009. № 10 (60). С. 101–107.
21. Heilongjiang Statistical Yearbook – 2012. China Statistics Press, 2012. (CD-ROM).

Formation of Settlement Pattern and Socio-demographical Security in the Jewish Autonomous Oblast

I.V. Kalinina, T.M. Komarova

Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Birobidzhan

The article presents a retrospective analysis of the formation of settlement pattern in the Jewish Autonomous Oblast (JAO) since the 1930s to the present. Current (1990–2010) geo-demographic situation in the municipal districts of the region is reviewed and three types of districts are identified. Integral index of socio-demographic security of municipalities is calculated. It is concluded that since 2000 municipal districts concentrating more than 70% of the population belong to the area of social tension. It is shown that function of social control over the territory is of paramount importance for JAO due to border location and the weak development of the territory. Features of settlement pattern are analyzed and presented in the schematic map, as well as the difference between the JAO and the border areas of China by the density of population and its activity.